

О ГРАММАТИЧЕСКОМ КОММЕНТАРИИ

В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ*¹

Язык сам мыслит своими формами,
флексиями, словоизменениями и пр.
Это-то мышление самого языка,
выражающееся в различных формах,
необходимо должна следить грамматика.

К.С. Аксаков, 1875 г.

(Полн. собр. соч. Т. II. Ч. I. С. 530).

I. Необходимость обновления и расширения грамматического комментария очевидна: у некоторых слов в существующих толковых словарях устаревшие синтаксические пометы, в современной речи они уже употребляются в ином окружении; например: *Допустить кого-н. куда-н. / к кому-н.: *Не допускай собаку в спальню.* Словарь русского языка в 4-х томах (МАС) рекомендует подобное распространение глагола как нормативное: *Допускать всех на наши участки* (Либединский). В этих выражениях глагол *Допустить / допускать* имеет модальное значение «Позволять, разрешать войти, прийти куда-л., к кому-л.». Эту рекомендацию повторяет Толковый словарь русского языка 2007 года. Однако современный узус показывает, что в этом значении употребляется глагол *Пустить / пускать*; например: *Не пускай его сюда.*

Кроме того, грамматические пометы являются основанием для разграничения значений полисемантических слов и слов-омонимов (теоретической основой при выработке критериев разграничения значений полисемантическим глагольных слов должно стать определение границ лексико-семантического класса). В некоторых толковых словарях переход глагольной лексемы из разряда акциональных глаголов в разряд стательных никак не отражается в структуре словарной статьи и не согласуется с иллюстративным материалом. Глаголы с релятивной семантикой вообще не выделяются в качестве самостоятельного значения глагола; например: *Против моих окон, заслоня от меня солнце, высится громадный рыжий домище* (А.Чехов). В Словаре современного русского литературного языка в 17-ти томах (в БАСе) при глаголе *застилать* иллюстративный пример не подкрепляет значение акционального двухвалентного каузативного глагола: *Все застилает неодолимая стихия пыли.* В словарной статье используется знак белого ромба для разграничения оморфных глаголов движения и глаголов направленного действия: *завязывать, загрузать, закладывать, закреплять, закручивать, закутывать, заматывать, зашивывать, обертывать* и др. (*что во что и что чем*), в то время как это глаголы разных лексико-семантических и синтагматических классов. Неразличение значений двухвалентных и одновалентных каузативных глаголов проявляется в иллюстративном материале; например, глагол *закрапывать* толкуется как двухвалентный каузативный глагол, а цитата соответствует одновалентному: *Поглядывая из-за своих запотелых и дождем закрапленных окон, она то и дело поглядывала на дом Сивкова* (Печер.). В Словаре С.И.Ожегова также имеет место

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-10466 «Новый толковый словарь современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)»

неразличение этих классов глаголов; например: *обнести стену вокруг дома* и *обнести двор стеною*, хотя эти два класса глаголов не связаны отношениями регулярной семантической деривации и должны быть представлены в в толковом словаре как разные значения глагола *обнести*.

При выделении оттенков значения в БАСе составители стремились к максимальной детализации, выделяя группы глаголов, однотипно ориентированных относительно лексического значения субъектной позиции (*о свете, о воздухе, о дыме, о шуме, о запахе*), но во многих случаях обобщающий компонент значения не был обнаружен: не был выявлен макросемантический разряд именных лексем в субъектной позиции, релевантный для организации данной модели предложения.

II. Грамматический комментарий в «Новом однотомном толковом словаре русского языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)» должен быть построен на принципах «активной грамматики», т.е. он призван дать возможность читателю построить правильное высказывание, используя дефиницию слова и именно те формы компонентов структуры предложения, которые указаны в словарной статье. Таким образом, активная грамматика, как и вся антропоцентрическая лингвистика, исследует законы построения высказывания в модальности субъекта речи. При этом имеется в виду, что «язык фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, интерпретированное человеком» [Кубрякова 2004: 95]. Аналогичные высказывания находим у Дж.Лакоффа, Ч.Филлмора [Лакофф 1981: 357; Филмор 1983].

В соответствии с теорией речевой деятельности, замысел говорящего рождает содержательный импульс вместе с оценочной характеристикой, которую мы будем называть «стилистическим модусом» высказывания. Положение о первичности стилистического модуса в речевой деятельности является исходным тезисом в наших рассуждениях. Стилистический модус автора участвует в структурировании содержательной и стилистической канвы высказывания, формирует интонацию и ритмику текста, реализуется в вербальной, линейной организации высказывания и текста, в системных маркерах модальности. Понятие «стилистический модус» близко понятиям «оценка» и «субъект» в современной лингвистике. Ср.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1993: 323]. Это понимание концепта «субъект» восходит к философии Л. Витгенштейна, который трактовал «субъект как этическую установку, которая задает границу и структуру видения мира и действия в нем» [Галанина 2011: 138].

Грамматическая помета в словарной статье – это итог аналитической работы лексикографа, которая воссоздает интерпретацию и оценку мира говорящим. При этом происходит 1) представление денотативного пространства с определенными параметрами; 2) квалификация реальности как процесса (события, статичного положения дел); 3) создание ментальных конструкторов (прототипических структур) с возможными ролевыми отношениями (действие субъекта, признак, состояние, экзистенция и т.д.); 4) подбор схемы предложения с субъектно-предикатно-объектными отношениями; 5) линейная семантико-синтаксическая (подлежащно-сказуемая) организация высказывания. Таким образом, само существование грамматических структур обусловлено процессами концептуализации, категоризации мира человеком, вследствие чего синтаксические стереотипы передают информацию непреднамеренно; синтаксические образцы представляют собой специфические когнитивные модели, т.е. являются особыми (сложными) элементами языковой картины мира.

Мельчайшей конструктивной единицей предложения является **синтаксическая позиция**, структурно обусловленный смысловой элемент

предложения, имеющий определенные грамматические характеристики. [Ломтев 1960]. Семантико-синтаксическую организацию предложения представляют синтаксические позиции тех или иных содержательных элементов, показывающих взаимодействие категорий имени и глагола. Т.П. Ломтев определял это понятие так: «В понятии позиции выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма»; «Позицию в предложении может занимать только отдельная форма, а не слово вообще [Ломтев 1960: 15 – 28]. Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой организации предложения, поскольку она делает очевидным сходство семантических признаков слов (или словоформ), которым предопределена системой языка одна и та же функция.

А.А. Потебня тоже обращал внимание на роль синтаксической позиции в содержательной характеристике словоформы. А.А. Потебня выделял в слове внешнюю форму (звуковую оболочку) и внутреннюю форму, которую формируют не только языковые значения (категориальные и «свойственные ему одному»), но и «знание места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемой форм» [Потебня 1958: 66].

Синтаксическая позиция в модели предложения имеет более отвлеченную семантику, чем категориальный разряд существительных: она может быть предназначена для имен разных категориальных разрядов в разных формах, а может – только для одного разряда и в одной форме, в зависимости от смысловых отношений в структуре предложения. Семантическое качество (спецификация) синтаксической позиции в какой-то одной модели предложения не всегда бывает очевидным, в таком случае исследуются «коррелятивные» синтаксические позиции в деривационно связанных моделях.

При осмыслении реальной или воображаемой картины формируются как полные и детализированные фреймы происходящего, так и неполное, частичное «видение». Это может быть объяснено ракурсами рассмотрения, способностями и коммуникативными целями говорящего. На существенную роль познающего субъекта в процессах интерпретации обратил внимание Р.И. Павилёнис [Павилёнис 1983: 16].

Подобный аспект рассмотрения связан и с традицией отечественного языкознания, в котором последовательно развивалось так называемое психологическое направление, утверждалось, что своеобразие каждого естественного языка заключается в специфическом соотношении мыслительных и языковых структур. Ср. выражение К.С.Аксакова: «мышление самого языка, выражающееся в различных формах». А.В.Бондарко справедливо считает, что «ядром философско-грамматической концепции А.А.Потебни является не логическая и не психологическая, а собственно лингвистическая теория языкового содержания, опирающаяся на понятие формы как способа представления мыслительного содержания» [Бондарко 2012: 264]. Близки высказывания А.М. Пешковского о том, что мыслительные структуры диктуют типические способы своего выражения в речи.

Это направление исследований подхвачено современной когнитивной лингвистикой. Ср. близкое по смыслу высказывание Дж. Лакоффа: «Я считаю, что формальные аспекты лингвистических исследований являются частью построения модели мышления» [Лакофф 1981: 365]. А.Е.Кибрик выражает свою мысль следующим образом: «...постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2008: 53].

Следовательно, чтобы понять законы семантико-синтаксической организации предложения с тем или иным знаменательным словом, надо обратиться к анализу акта предикации, в котором в позиции предиката находится данное слово. Модели в системе языка хранятся не как абстрактные схемы, готовые к произвольному заполнению лексическим материалом, а как тесно спаянные с лексемами семантико-грамматические комплексы, обусловленные спецификой эпистемического качества пропозиции (предикации). Таким образом, синтаксические образцы принадлежат ментальному миру, являются когнитивными феноменами, показывают значимость языковой формы.

Начиная с первых работ М.М. Бахтина - «Марксизм и философия языка», «Речевые жанры» [Волошинов, 1995; Бахтин, 1996], - использование в речи синтаксических образцов обозначалось особыми терминами: «речевой штамп», «клише», «норма словоупотребления» [Культура парламентской речи 1994], «цитирование» [Волошинов (Бахтин) 1993]. М.М. Бахтин ввел в языковедческий обиход также выражение «*память слова*». Память слова - это «суммарное» значение слова, которое заставляет носителя языка вспомнить все возможные контексты употребления этого слова; это значение обуславливает и дальнейшую «жизнь» слова в языке.

Некоторые последователи М.М. Бахтина [Kristeva 1980; Барт 1992; Гаспаров 1996] называют речевую практику постоянным процессом цитирования: приведение ранее слышанных речевых отрезков в новых речевых условиях, включение их в уникальные, ранее не встречавшиеся конструкции, и, таким образом, создание новой базы цитирования. Об особенностях такого «цитирования» Б. М. Гаспаров говорит следующее: «Языковая цитация имеет такой же небуквальный, нетвердый, растекающийся характер, как и сам резервуар памяти, который служит источником этого процесса» [Гаспаров 1996: 14]. По выражению Г.П.Мельникова, речевое общение – это непрерывная формализация и интерпретация смыслов через значения и значений через смыслы [Мельников 1978: 317]. Это подтверждает важность дискурсного подхода в исследовании, при котором каждое высказывание представляет собой фрагмент смысловой канвы подобно элементу особой конфигурации в мозаичной картине. Именно в дискурсе происходит образование новых речевых форм, состоящих из форм.

Таким образом, правомерно ставить вопрос о законах использования языка в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в человеческой памяти, а также о способе описания языка в словарях и грамматиках как упорядоченной системы **потенциальных речевых образований**. Речевое общение формирует мир знаний и культурных ценностей, а также закрепляет в памяти типизированные формы выражения мыслей и чувств – *коммуникативные стереотипы*. В сознании носителей языка имплицитно существует концепт «коммуникативная позиция» слова, словосочетания, высказывания, отрывка текста. Кроме того, коллективная речевая практика закрепляет в сознании способы невыражения определенных смысловых блоков в той или иной текстовой структуре.

Коммуникативные стереотипы - синтаксические речевые образцы - находят системное закрепление как модели предложений. В семантике моделей – в категориальной семантике словоформ в определенных синтаксических позициях и их грамматических характеристиках – фиксируется языковое осмысление реальности и мыслей о реальности, т.е. умозаключений о связях и отношениях. Вследствие этого, методологическая доминанта исследования синтагматики – изучение системных связей и закономерностей взаимодействия разных языковых категорий сквозь призму стереотипных речевых ситуаций, т.е. типов речевого взаимодействия в различных языковых сферах. В основе такого подхода –

обращение к самой сущности языка – интерпретативной и коммуникативной системы.

III. Синтаксические правила организации высказывания составляют суть коммуникативной компетенции, которая формируется в постоянной речевой практике и проявляется в умении говорящими выбрать ситуативно *уместную* форму выражения, в творческом использовании возможностей языка. А.Е. Кибрик рассматривает понятие нормы как эпистемическую организацию языка; он считает, что существует когнитивный оператор нормы / отклонения от нормы: немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей, маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей»; «когнитивный оператор нормы не является неким логическим абсолютом, отражающим природу вещей *per se*. Когнитивная норма принципиально антропоцентрична, она ориентирована на человека [Кибрик 2008: 62-63].

Правильная речь, радующая собеседников точностью выражения смысловых оттенков и выразительностью, невозможна без знания системы литературного языка. Ср. высказывания А.А. Потебни: «Мысль, идущая по колею родного языка»; «Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка» [Потебня 1977: 113].

Литературный язык – это интерпретативная и коммуникативная система взаимодействия блоков формальных структур разноуровневых единиц, - взаимодействия, предназначенного для выражения смыслов. Интерпретативной система называется потому, что ее эпистемическую основу составляют логические структуры, коммуникативной – потому, что язык имеет социальную, диалогическую природу и когнитивные процессы неразрывно связаны с актами речи, с *ориентированными на восприятие адресата* исторически сложившимися – в соответствии с этическими принципами общества - формами выражения.

Термин «литературный язык» возник для обозначения языка, который сложился в государстве для выполнения различных функций в многогранной культурной, деловой, общественной жизни и в международных связях государства

Главные черты литературного языка – **многофункциональность**, которая вытекает из практики использования его разновидностей во всех сферах сложной жизни современного государства, и **наличие языковых норм**, делающих язык понятным на всей территории страны. Ср.: «Наличие единой и общеобязательной нормы, касающейся употребления слов, их звукового облика и грамматических форм, их сочетаемости друг с другом, как раз и является основным признаком литературного языка, в отличие от разных видов просторечия и диалектной речи» [Шмелев 2002: 653]. Каждый функциональный стиль литературного языка имеет свои маркированные способы выражения, стилистические нормы [Шмелев 1977].

Литературный язык - это удобный и понятный для всех язык, который используется и в спонтанной разговорной речи, в СМИ, и в официально-деловом общении, в межкультурной коммуникации, в практике международных отношений, в работе переводчиков, и в общенаучном языке. Это общее *культурное пространство*, обеспечивающее сохранение языковых традиций, преемственность поколений. В центре нашего внимания те разновидности языка, которые исторически сложились для выполнения главных функций общества, т.е. базовая разновидность литературного языка - разговорная речь, а также публицистика, официально-деловая речь и язык науки (общенаучный язык).

В.В.Виноградов подчеркивал неотъемлемое качество современного литературного языка, его отличие от литературного языка эпохи феодализма – **общенациональный характер**. В.В.Виноградов пишет: «Основными признаками национального литературного языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и разговорной форме)» [Виноградов 1978: 293].

Аналогичный вывод делают авторы «Русской грамматики»: «Норма – свидетельство развитости и зрелости языка...Языковая норма – категория историческая» [Русская грамматика 1980: 10]. Близкое понимание находим у Е.С. Истриной: «Литературный язык каждого народа – это средство общения наиболее широких общественных кругов, это язык «коллектива коллективов», как иногда говорится; литературный язык - это средство общения, отвечающее наиболее культурным задачам» [Истрина 1948: 3].

Язык, как считал Бодуэн де Куртенэ, сохраняется только благодаря практике использования нормированной речи: «Продолжение языковой традиции, а также возможность понимания предков и передачи их мыслей потомкам осуществляется только при помощи национального литературного языка, а поддержание сохранности и безупречности литературного языка требует, конечно, знания одной из важнейших частей языкознания, т.е. грамматики» [Бодуэн де Куртенэ 1963 – I: 220]. Аналогичную точку зрения находим у У. Чейфа: « <...> у человека владение родным языком включает способность, что называется, оценивать грамматическую правильность» [Чейф 2008: 88].

Литературный язык, - писал Л.В. Щерба, - «позволяет быть творцом выражения новой мысли, он позволяет дополнять и развивать себя. Таким образом, он является и нашим отцом и нашим детищем» [Щерба 1984: 192].

Вся жизнь и уровень культуры социума представлена в каждодневном употреблении языка. Узус всех носителей языка, которые с помощью языка решают свои жизненные задачи, - это способ существования языка и кузница новых языковых норм. Синтаксическая норма меняется не столь быстро, как норма лексическая, но процесс развития и обновления системы идет постоянно. Развитие нормы можно представить таким образом: от реализованной, кодифицированной нормы – через употребление, норму реализуемую, к новым системным соотношениям.

Владение нормами – условие развития языковой системы. Ср. слова Е.Н. Ширяева: «...чем более высока культура владения языком, тем совершеннее сам язык, и наоборот. Если богатства языка остаются невостребованными его носителями, если носители языка будут глухи к лучшим творениям на этом языке, то и богатства языка просто уйдут в небытие» [Ширяев 1996: 5; Ширяев 2003].

В других странах в национальной лингвистической традиции существует несколько разных терминов. Ср. формулировку Б.Гавранека: «Под языковой нормой я понимаю то, что, с одной стороны, обозначается как речевая деятельность (*energia*), а с другой стороны, как продукт этой деятельности (*ergon*), но в данном случае в плане обязательности – обязательности в сфере *ergon* для достижения наилучших результатов в сфере *energia*» [Havranek 1964].

Общественная значимость литературного языка имеет в своей основе национальную культуру и государственность. Ср.: «Владея языком как одной из своих неотъемлемых характеристик и своим движением стимулируя его движение, общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Поэтому одновременно с тем, что норма существует объективно, общество предписывает ее своим носителям как категорию обязательную» [Русская грамматика 1980: 10].

Философская категория «этика» тесно связана с такой категорией, как «право». Ср. высказывание философа Вл. Соловьева: «Правовые принципы представляют собой «низший предел или некоторый минимум нравственности одинаково для всех обязательный» (Соловьев; цит. по: [Прибыткова 2011]). Этика предполагает введение в обиход понятий «свобода», «желательность», «допустимость», а в рамках этого поля – введение категории «принуждение» как принуждение следовать языковым нормам. Принуждение как *противление злу*, как *защита прав всего языкового сообщества*, поскольку «язык служит нам <...> как среда интеллектуального обитания» [Гаспаров 1996: 111].

Систему литературного языка классики отечественного языкознания, считали сокровищницей знаний о мире; ср. выражение Бодуэна де Куртене: «язык – третье знание». Несмотря на особенности индивидуального мировосприятия, в процессах познания существуют общие законы структуризации, концептуализации образов и чувственных представлений - лексические и грамматические речевые образцы.

IV. Грамматические пометы к слову, помогающие конструировать с этим словом правильные фразы современного литературного языка, показывают такое качество речевого образца, как **вариативность**. Вариативность может иметь эпистемическую основу и функционально-стилистическую. Грамматическая сочетаемость в стилистически маркированных фразах (риторических средствах), которые находятся на периферии нормы, не являются объектом описания в словарной статье, хотя представляют интерес с точки зрения потенциальных речевых клише; например: *Его ушли с работы*.

Не считаются вариантами распространенные синтаксические ошибки. Примером может служить смешение управления при глаголах, обозначающих конверсные отношения *занимать* и *одалживать* (ср.: *Придется занимать эту сумму у родственников* и **Ему не занимай: долго не отдаёт*) или смешение актантов у глагола *ревновать* (ср.: **Она ревновала сестру к мужу* вместо правильного: *Она ревновала мужа к сестре*).

В языкознании вариативность (или вариантность) понимается как манифестация разновидностей или модификаций, сосуществующих в один и тот же исторический период, некоторой неизменной сущности (инварианта) – языковой единицы. Так, В.М. Солнцев приводит в качестве примера вариантов звуки как варианты фонемы, морфы как варианты морфемы [Солнцев 1971]. Вариативность – неотъемлемое, основополагающее свойство системы естественного языка. Слова «вариативность» и «вариантность» обычно употребляются как равнозначные [Граудина 1980; Елизаренкова 1982; Солнцев 1984].

К необходимости исследования проблемы вариантности элементов разного уровня языковой системы пришли ученые разных исторических эпох и разных лингвистических направлений [Демьянков 2008; Истрина 1948; Граудина, Ицкович, Катлинская 1976 (и 2001); С.Е.Никитина 1979; Елизаренкова 1982; Кибрик 2008; Костомаров 2011; Кручинина 2009; Шварцкопф 2001; Шведова 2005; Ширяев 1996; Ширяев 2003; Ярцева 1983].

Термин «вариант» имеет разное толкование. С одной стороны, считается, что варианты – это разные средства выражения одного содержания; следовательно, здесь вариативность обязательно основана на понятиях «инвариант» и/или «деривационная связь элементов». С другой стороны, вариативность понимается узко, как незначительная модификация плана выражения, не связанная с изменением содержания: «Варианты понимаются как разновидности одного и того же слова или его грамматической формы» [Литературная норма и вариантность 1981: 5]. Однако возможно, что «разновидности одного и того же слова или грамматической формы» также являются средством выражения какого-то категориального значения, которое

не является очевидным для исследователя. Варианты употребления той или иной грамматической формы могут быть вызваны еще не описанными в лингвистических исследованиях структурными связями внутри языковой системы. Ср.: «Язык сам мыслит своими формами, флексиями, словоизменениями и пр. Это-то мышление самого языка, выражающееся в различных формах, необходимо должна следить грамматика» [Аксаков 1875: 530]. Как писал А.А. Потебня, «задача грамматики – найти психологические условия употребления формы, или проще: точно определить ее значение». А.А. Потебня писал о таком явлении в речевом процессе, которое сейчас бы мы назвали парадигматической соотносительностью, или значимостью морфологических форм. Таким образом, объяснение вариативности лежит в области *поиска функции* того или иного элемента системы.

Варианты употребления могут быть вызваны еще не описанными в лингвистических исследованиях структурными связями внутри языковой системы. Ср. такое явление в синтаксисе, как подравнивание по аналогии; например, появление формы винительного падежа зависимого компонента при глаголе *хлопотать* (*хлопотать пенсию*) вместо формы предложного падежа с предлогом «о» (*хлопотать о пенсии*) под влиянием синтаксического поведения однокоренного глагола *выхлопотать* (*выхлопотать пенсию*).

А.А. Потебня писал о таком явлении в речевом процессе, которое сейчас бы мы назвали парадигматической соотносительностью, корреляцией или значимостью морфологических форм: «Для понимания речи нужно присутствие в душе многочисленных отношений данных в этой речи явлений к другим, которые в самый момент речи остаются, как говорят, «за порогом сознания», не освещаясь полным его светом» <... > «Нет формы, присутствие и функции коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т.е. по связи ее с другими словами и формами в речи и в языке». И.Н. Кручинина считает, что Потебня был одним из первых ученых, кто указал на глубокую взаимную обусловленность отдельных языковых явлений, что «мы умеем читать лишь самые грубые указания на родство явлений» (Цит. по: [Кручинина 2009: 13-14]).

Существование вариантов прежде всего ставит вопрос об их статусе в системе национального языка, а затем о причинах их возникновения и степени употребительности.

В.Н. Ярцева справедливо обращает внимание на то, что самому факту выделения феномена «вариативность» должна предшествовать исследовательская работа: «При изучении языковой вариативности одну из труднейших проблем представляет выбор тех параметров, которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям. В области содержательной грамматики этот вопрос возникает прежде всего в тех случаях, когда одна и та же понятийная сфера представлена в языке несовпадающими формами ее реализации и с разной степенью дробности [Ярцева 1983: 18]. См. также: «Дело в ...самом понимании вариативности и ее связях с проблемой грамматической синонимии» [Там же, 21].

Уже в первом аспекте рассмотрения темы «вариантность» на лексическом уровне С.Е.Никитина расширяет понимание этого термина: «Как нам представляется, проблему поиска инварианта можно переформулировать как проблему поиска связи между вариантами. <... > связь значений может осуществляться различными путями: как повторение какого-то компонента в разных значениях многозначного слова, как цепочечная связь значений, при которой уже не существует общей смысловой части, сохраняющейся во всех значениях, и как регулярные соответствия между семантическими компонентами в разных смысловых структурах» [Никитина 1979: 111-112].

Вариативность является предметом интереса стилистики – многоаспектной науки, целого комплекса языковедческих дисциплин, исследующих: (а) способы использования языковых единиц, принципы их отбора и комбинации в соответствии с коммуникативными целями, (б) виды синонимии в различных коммуникативных сферах. Это направление зародилось в недрах Античной риторики, ставившей своей задачей разработку способов языкового воплощения интенции говорящего, отбора и композиционного расположения языковых элементов, и продолжает развиваться как ортостилистика, функциональная стилистика, когнитивная лингвистика, прагматилистика, социолингвистика, стилистика изобразительных средств.

В данном словаре синтаксическая вариативность показывается как сосуществование в один исторический период языковых единиц, имеющих различную функциональную предназначенность, и языковых единиц, имеющих одинаковую функциональную предназначенность (*вариативных синтаксических рядов*). Тема вариативности рассмотрена в двух тесно связанных аспектах – в аспекте когнитивной лингвистики и ортологии. В рамках ортологического аспекта значимы социальные и стилистические факторы в использовании различных вариантов (в письменной и в устной форме) литературного языка.

Так, сосуществование в системе таких синтаксических вариантов, как зависимые именные словоформы в глагольном словосочетании, должно быть объяснено наличием в языке макросемантических (категориальных) разрядов лексики: формы винительного падежа одушевленных и неодушевленных именных зависимых словоформ различны. У некоторых лексем в одинаковых конструкциях грамматической нормой считаются варианты падежных форм; например: *есть креветок, устриц* - *есть креветки, устрицы*. Поэтому некоторые формы правомерны для одного функционального стиля и не являются нормативными в другом стиле, нарушают его стилистическую норму; например: *изучать бацилл* (в научном стиле речи) и *изучать бациллы* (в разговорном варианте литературного языка). В других случаях варианты недопустимы; например: *съел две кильки* (это существительное интерпретируется говорящими только как неодушевленное).

Норма употребления того или иного элемента системы может колебаться, могут возникать варианты нормы [Истрина 1948; Граудина, Шварцкопф 1991; Шварцкопф 2001; Костомаров 2011; Лазуткина 2012]. В целом, в случае вариантности норм речь идет не об «относительном характере норм», а о многообразии средств выражения единого содержания (базового или частного концепта, лексической или грамматической категории), что является обязательным свойством любого естественного языка, или о стилистической дифференциации средств, имеющих общий содержательный компонент.

Существование нормативных вариантов обусловлено законами развития языковой системы: одновременно на бытование какой-либо формы или синтаксического образца действует несколько факторов: конкурируют разные категориальные значения, сосуществует старое и новое; разные варианты соответствуют разным функциональным стилям литературного языка; оказывает влияние и такой феномен, как коллективный языковой вкус носителей языка в тот или иной период.

Так, М.В Ломоносов в «Российской грамматике» в главе 3-ей – «О сочинении глаголов» в части «Наставление шестое. О сочинении частей слов» очень четко, живым слогом, на конкретных примерах-речениях показывает, как связано грамматическое устройство высказывания, его смысл и условия его употребления, обусловленные этическими канонами общества. На примерах *покажи свою книгу* и *покажи своей книги* Ломоносов разъясняет, что выбор формы родительного или винительного падежа зависимого имени существительного диктуется стилистикой

речи: «речь учтивее», если говорящим выбирается форма родительного падежа [Ломоносов 1755].

Таким образом, мы различаем варианты общелитературного языка и варианты, предназначенные для разных функциональных стилей литературного языка, жанров речи и палитры средств изобразительной стилистики. Синтаксическая норма теснее связана с нормой того или иного функционального стиля, чем норма морфологическая. Синтаксические образцы принадлежат ментальному миру, они показывают значимость языковой формы. И, если языковая картина мира в большинстве лингвистических работ, как правило, благодаря наглядности, очевидной простоте, иллюстрируется единицами лексического уровня, не следует забывать, что синтаксические комплексы тоже имеют концептуальную значимость, «национальную окраску» осмысления реальности, обнаруживают социальные и культурологические предпочтения, особенности мира знаний социума и разных людей в каждый момент существования языка. Только синтаксические конструкции, дискурс показывает реальную языковую практику людей. Таким образом, дискурс (или речевой жанр), являясь целостным семиотическим образованием, диктует целый спектр языковых норм и их характеристик.

Один из аспектов вариантности - вариантность грамматической нормы как эволюция речевого образца. Термин «колебание нормы» обычно относят к случаям выбора того или иного элемента системы литературного языка, которые представляют собой варианты нормы [Шварцкопф 2001]. Их можно также назвать синонимическими средствами; например: *жду трамвай / жду трамвая*. А.А. Зализняк увидел здесь признаки формирования нового падежа - «ждательного», который совпадал с формой родительного падежа у неодушевленных существительных при подобных глаголах и с формой винительного падежа у одушевленных существительных [Зализняк 1967: 49]. Мы считаем, что причина сохранения родительного падежа в данной глагольной конструкции кроется в пропозициональном осмыслении семантики зависимого существительного: конкретное существительное (название транспортного средства) употребляется в отвлеченном (событийном) значении – как обозначение прибытия транспорта.

Новый аспект в изучении грамматической вариативности на пространстве «литературный язык»: динамическое развитие картины взаимодействия общелитературных вариантов и вариантов внутри отдельных функциональных стилей современного русского литературного языка, а также описание картины взаимодействия стилистических норм литературного языка и просторечия: «Границы употребления вариантов неустойчивы: часто стилистически ограниченные варианты становятся общеупотребительными или, наоборот, некогда распространенные варианты в современном употреблении ограничиваются узкими функциональными стилями речи. Подвижность и зыбкость стилистических границ обуславливают известную приблизительность, условность стилистических оценок» [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 14-15].

Следовательно, термин «эволюция нормы» можно употреблять только применительно к изменениям в общелитературной норме, а термин «шкала нормативности» можно отнести к сосуществованию в одном и том же историческом периоде стилистических вариантов.

V. Необходимый уровень исследования грамматических вариантов в синтагматике - модель предложения и ее парадигматические связи.

Словосочетание в отечественной литературе рассматривается как способ реализации лексического значения главенствующего слова (чаще – глагольного), т.е. как «расширенное наименование кусочка действительности», и как фрагмент предложения. И тот, и другой подход восходит к работам В.В.Виноградова середины

прошлого века. Уровень словосочетания как элементарного контекста словоупотребления достаточен только в том случае, если при решении вопросов сочетаемости слов априори существует допущение, что субъектная позиция предназначена только для существительных со значением лица; например: *советоваться (с кем-н); совет (друга)*. Но в случае описания вариантов синтаксического распространения многозначных существительных и глаголов необходима

вся семантико-синтаксическая структура предложения с этим элементом: уровень словосочетания оказывается недостаточным для дифференциации значений полисемантических слов. Таким образом, критерии нормативной оценки вариантов грамматической сочетаемости слов должны определяться на уровне анализа структуры предложения. Понятия, являющиеся инструментом анализа: «концепт», «модель предложения», «семантическая категория предложения», «синтаксическая позиция», «категориальная семантика слова», «макросемантический разряд лексики», «словоформа» и «синтаксический ряд».

Высказывание А.М. Пешковского о том, что мыслительные структуры диктуют типические способы своего выражения в речи, оказалось исходным тезисом в современных исследованиях по когнитивной лингвистике [Кибрик 2008; Кубрякова, Демьянков 2007]. Т.Я. Елизаренкова считает, что вариативность – неотъемлемое свойство естественного человеческого языка, причина ее кроется в асимметричном дуализме языкового знака: любое содержание может быть выражено разными средствами [Елизаренкова 1982: 16]. Иначе человеческий язык был бы просто кодом.

Нюансы когнитивных процессов и общения, в том числе разные ракурсы, планы, аспекты, мыслительные конструкты реальных и воображаемых событий и отношений, экспрессивные и этические оценки при обозначении субъектом речи одного и того же фрагмента действительности ведут к формированию в языковой системе огромного репертуара разноуровневых средств. Грамматические варианты, имеющие близкое, но не тождественное значение, деривационно связаны; они вкуче представляют собой сеть способов репрезентации того или иного понятия, когнитивной категории или культурного концепта. Вариантность порождает как следствие явление полисемии и синонимии (полной или неполной) - лексической и грамматической (в случае грамматической полисемии чаще принято употреблять термин «полифункциональность средства»).

Г.А. Волохина и З.Д. Попова предлагают следующее определение синтаксических вариантов: «Под синтаксическими вариантами мы понимаем структуры, которые выражают тождественное синтаксическое значение». Свое определение они иллюстрируют наличием или отсутствием соотносительного слова в главной части сложноподчиненного изъяснительного предложения [Волохина, Попова 1981: 138]. З.Д. Попова пришла к выводу, что синтаксическую систему языка организуют синтаксические концепты. Свою теорию она подкрепляет анализом разных концептуальных полей и, в частности, анализом предложно-падежных именных словосочетаний, количество которых начиная с XVIII века неизменно растет, и их функции расширяются [Попова 2009: 139-145]; см. также: [Прияткина 1990: 113-116]. Эти словосочетания, осложняющие структуру простого предложения, «представляют собой свернутую схему простого предложения», являются вариантами репрезентации концептов, которые находят эксплицитное выражение в структуре сложного предложения с подчинительными союзами дифференцированного значения; например, вариативные способы в представлении концепта «целевые отношения»: *Графики составляются в целях проверки потребности в топливе* и *Графики составляются, чтобы проверить потребности в топливе*.

Современные исследования свидетельствуют, что структура простого предложения является знаком сложной семиотической природы и, вне зависимости от ее осложнения именованными группами или оборотами, способна быть способом репрезентации концептов при помощи таких средств, как морфологические формы знаменательных частей речи, их синтаксическая позиция в предложении. Цепь рассуждений такова. Предложение является когнитивным фреймом, т.е. онтологически обусловленным феноменом [Арутюнова 1976]. В нем, прежде всего, отражается типизированный в данном социуме способ отражения той или иной реальной данности. Языковые содержательные разряды, которые выражают смысл предложения, - семантические категории предложения, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом: *субъект, предикат, объект, определение, обстоятельство*.

Кроме того, каждое предложение является только одним из вариантов мыслительного представления того или иного события (факта), т.е. каждое предложение своим сигнификативным значением показывает одну возможность представления реальности.

Таким образом, в предложении каждое слово выполняет определенную роль в организации смысла предложения. Эта роль, значимость слова предсказана его синтаксической позицией – появлением его в определенной форме (форме числа и падежа) и его структурными связями с остальными членами предложения. Форма слова, или словоформа, – слово изменяемой части речи в какой-либо форме или слово неизменяемой части речи в единственно возможной форме; напр.: *развиваясь, пропитанным, рисую, наудачу; большого, сыну, ура*.

Значение и синтаксис словоформ составляют предмет теории словоформ, эта теория развивалась в отечественном языкознании начиная с «Русской грамматики» А.Х. Востокова. Некоторые грамматисты, развивая взгляды Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, считают, что словоформа и синтаксическая позиция относятся друг к другу как форма и содержание, единица языка и ее функция. На ином тезисе строят свою концепцию сторонники позиционного синтаксиса, развивающие идеи А.А. Шахматова, И.И. Мещанинова, В.В. Виноградова, Т.П. Ломтева. По их мнению, модель предложения формирует общие семантические и грамматические свойства словоформы, предсказывает возможные синонимические замены (т.е. варианты выражения ее смысловой сущности, обусловленной ее синтаксической позицией).

Естественным развитием позиционного синтаксиса стало такое понятие, как «**синтаксический ряд**» - появление в одной и той же синтаксической позиции в определенной модели предложения разных словоформ, слов или придаточных предложений [Кручинина 1968]. Понятие синтаксического ряда объясняет синонимию элементов как вариативные способы представления одного и того же смыслового фрагмента. Ср. синонимию падежных форм *о ком-чем-н.* и *за кого-что-н.* при развитии переносного значения у глагола *болеть* - «Сильно беспокоиться, постоянно тревожиться, остро переживая что-н.»: а) с отвлеченным существительным или конкретным существительным в значении отвлеченного в предложном падеже с предлогом «о» (*о ком-чем*): *Мы болеем о развитии нашего комплекса; Сын болен о своей режиссерской работе*; б) с отвлеченным существительным в винительном падеже с предлогом «за» (*за кого-что*): *Врач болел за своевременную отправку раненых в тыл; Юниоры болели за успех своей команды*.

Ср. также вариативность в распространении глагола именной или глагольной словоформой: категориальный статус объектной позиции при глаголе *избегать* (*избежать, избегнуть*) – пропозициональное значение, т.е. там эта позиция предназначена для лексем со значением «событие», «процесс», «явление». Оказывается, что в языковой системе существуют **законы композиционной семантики** элементов, ограничивающие вариативность синтаксического ряда.

Таким образом, первая преграда – закон сочетаемости на уровне лексем и их категориальной семантики, который проявляется в выборе нужной словоформы или ряда словоформ, одобряемых с точки зрения языковой компетентности, т.е. знания грамматической правильности. Например, язык подводит под одну мыслительную категорию и наделяет синонимичными свойствами отвлеченное имя существительное (или местоимение с пропозициональным значением *то, это*) и неопределенную форму глагола. Ср. синтаксическое распространение глагола *избегать*:

1. *Избегать* в значении «спасаться (спасти) от чего-н.» - сов. в. *избежать* (и *избегнуть*) - с отвлеченным существительным в родительном падеже (*чего*): *Теперь нам не избежать выговора*. 2. *Избегать* в значении «сторониться кого-н., уклоняться от чего-н.» - а) с одушевленным или отвлеченным существительным в родительном падеже (*кого-чего*): *Все его избегают; Игорь избегал встреч с мастером цеха*; б) с неопределенной формой глагола: *Мы избежали обсуждать эту тему при ребенке*.

Синтаксическая позиция и словоформа связаны друг с другом и обуславливают друг друга; и это объясняет полисемию и омонимию словоформ, их роль в высказывании и переход слов из одной части речи в другую. Омонимичные словоформы часто используются как экспрессивное средство. Ср., например случай языковой игры: «*Спирт у них не переводился и никогда не переводился зря*» (С.Соколов). В первом случае *не переводился* – форма возвратного глагола действительного залога (*перевестись / переводиться* – «оказаться истраченным, израсходованным»), во втором – словоформа страдательного залога (глагол *перевести / переводить* с отрицанием в значении «не расходовать напрасно»). Таким образом, содержательная сторона словоформы не может быть раскрыта без обращения к семантико-синтаксической организации высказывания и определения роли этой словоформы.

Значение словоформы тесно связано со смысловой структурой высказывания и значением предиката, является конкретизатором глагольного значения и, соответственно, обуславливает разграничение значений полисемантического глагола.

Исторически сложившиеся в индоевропейских языках правила построения предложения отводят самой коммуникативно значимой словоформе, которая является темой высказывания и субъектом обозначаемого действия (процесса, состояния) позицию в начале предложения. Морфологизированной формой выражения темы является подлежащее – имя существительное или местоимение в именительном падеже. Все другие именные словоформы в косвенных падежах в этой позиции имеют дополнительный компонент значения – оценку говорящим неактивной роли субъекта; напр.: *Ему весело; С нами все в порядке; Ногам холодно; Ее лихорадит*.

Характеристика глагольных словоформ также тесно связана со значением высказывания. Так, потеря морфологической гибкости глагольного слова в результативных, стативных и релятивных конструкциях является сигналом особой интенции говорящего – оценки ситуации в момент речи или в отвлечении от ее временной характеристики; напр.: *Пустую вырубку окружали голенастые ели и сосны* (Б.Пастернак) – глагольная словоформа обозначает локальные отношения; *Дети одеты* - результативная конструкция: обозначение положения дел к моменту речи; *Как он, она была одета Всегда по моде и к лицу* (Пушкин) – стативное значение глагола, характеризующее значение, обозначение нединамичного признака.

Синтаксические образцы создаются, прежде всего, под влиянием семантических отношений в структуре предложения, которые, в свою очередь, обусловлены социальными причинами, ракурсом отражения внеязыковых явлений говорящим.

Следовательно, главными факторами развития синтаксических образцов (моделей простого предложения) являются:

а) формирование предикатного ядра: необходимость в речи сделать смысловой акцент на определенном слове, что ведет к тематизации этой лексемы, а также к оформлению предикатного компонента в качестве подлежащего;

б) иерархизация периферийных позиций: «заполнение» позиций, имеющих наиболее сильную синтаксическую связь с предикативным компонентом, например синтаксической позиции прямого дополнения (объекта) определенными лексемами; например: *Сосед стал хлопотать пенсию* - вместо рекомендованного в словарях варианта: *Сосед стал хлопотать о пенсии*. Смысловая значимость лексемы *пенсия* имеет своим следствием изменение ее синтаксической позиции.

Изменение структуры предложения в соответствии с изменением роли слов ставит вопрос о важности элементов в процессе порождения речи. В связи с этим в начале 20-го века Е.Курилович поставил вопрос о взаимодействии в истории развития системных связей, деривационных отношений первичных и вторичных функций языковых элементов: «Грамматикализация падежной формы сообщает ей центральное положение среди определяющих глагола. Адвербиализация падежа, напротив, отбрасывает его на периферию глагольной группы» [Курилович, 1962: 188; 237 - 250].

Таким образом, модель предложения предопределяет общие семантические (категориальные) и грамматические свойства словоформы, предсказывает возможные синонимические замены. Формальные характеристики элементов (падеж, число) обусловлены их синтаксической ролью, которая, в свою очередь, предопределена смысловыми связями и прагматикой дискурса.

VI. Принцип коммуникативной важности и формирование новых синтаксических образцов. Языковое осмысление реальных или воображаемых процессов возможно разными конструктами - целым рядом сигнификативных структур; например: *Ночь; На юге ночь наступает внезапно; Улицы и дома накрыла ночь*. Кроме того, существует большое количество конструкций (например, сложные предложения логической обусловленности, фразеосхемы), у которых нет денотата, а есть только сигнификативное значение. Понятие «сигнификат предложения» соотносится с понятием «категориальная ситуация» А.В.Бондарко [Бондарко 2008: 14-15], «сигнификативная ситуация» (семантическое соответствие денотативной ситуации) [Кубрякова 2004]. Ср. понятие Ф. Кликса «внутренняя реальность»: «...зафиксированный в языке мир результатов мышления образует как итог познавательных процессов – внутреннюю реальность» [Кликс 1983: 13; цит. по: Кубрякова 2004: 93]. Е.С.Кубрякова, анализируя данное понятие Ф.Кликса, считает, что существование языковых форм, передающих значения концептов, схем, образов, пропозиций внутренней реальности - «доказательство того, что они, действительно, составляют части нашего сознания, притом коллективного».

Принцип коммуникативной важности определяет выбор *ракурса* и *плана* и, соответственно, конкретной *модели предложения* при обозначении какого-нибудь денотативного пространства или интерпретации реальных событий субъектом речи. Естественно, что не все денотативные признаки могут найти отражение в сигнификате одного предложения. В сигнификативных (мыслительных) структурах глагольных предложений, связанных с данным денотатом, можно обнаружить константный минимум, который в них облигаторно представлен. Определенные параметры денотативного пространства, или **сигнификативное ядро** моделей предложений, несмотря на изменчивость отдельных сигнификативных компонентов обозначаемого, остаются неизменными в разных моделях предложений, соотносительных с данным событием. Это ядро можно назвать константным, или «якорным». Сигнификативное ядро – содержательный инвариант,

который обуславливает существование в синтаксической системе вариантов репрезентации в языке мыслительных конструктов реальных или воображаемых явлений, событий, отношений, поскольку остаются неизменными логические отношения параметров в структуре мыслительного представления - сигнификатах разных моделей предложений, которые вместе образуют **банк сигнификативных структур**. Эти логические отношения отображаются всей структурой предложения (семантикой схемы), предикатом и его семантическими актантами, что заставляет нас считать разные модели предложения парадигматически связанными. Сигнификативное значение каждого конкретного предложения - конструируемая картина, собрание вычленяемых при ее осмыслении элементов, параметров денотативного пространства, наделенных определенными свойствами и ролями в этом пространстве.

Таким образом, вариативное отражение реальности или вариативное представление о реальности в сознании говорящего (субъекта речи) уже задано мыслительными конструктами, содержащими указание на главные сигнификативные компоненты в структуре предложения или неизменные денотативные признаки обозначаемого, и четкими логическими связями в этом мыслительном конструкте.

В естественном дискурсе можно наблюдать тематизацию разных «участников действия». Таким образом, большие фрагменты разговорной речи в диалогах и монологических текстах, а также тексты кодифицированного литературного языка различных функциональных разновидностей демонстрируют семантико-синтаксическую организацию моделей предложений, которые исторически сложились в языковой системе как способ обозначения говорящим реальных процессов в разных ракурсах (с учетом его таланта интерпретации и его коммуникативных целей).

VII. Иллюстрацией изложенных теоретических положений может служить разграничение значений в синтагматическом классе глаголов локально направленного действия, а также порядка следования этих значений в словарной статье. Рекомендации учитывают направление парадигматических (деривационных) связей моделей предложений.

1. Исходным является предложение с субъектом-лицом, действующим преднамеренно (с каузатором 1-го ранга) при акциональном каузативном двухвалентном глаголе; напр.: *Мы закрывали грядки пленкой*.

Варианты модели – с обобщенным каузатором 2-го ранга; напр.: *Мама покрывала голову*; или с инкорпорированным каузатором 2-го ранга; напр.: *Надо гипсовать руку*.

2. Модификация модели (внутримодельная деривация) - предложение с ослабленным каузатором, субъект не способен к преднамеренным, контролируемым действиям, в глаголе ослаблена сема преднамеренности действия; напр., *Ветер закрывал солнце рваными облаками*. Позиция субъекта предназначена для обозначения стихийной силы, которая выражается существительными пропозитивной семантики, отвлеченными и вещественными существительными.

3. **Межмодельная** деривация – конструкции с автокаузативами (действие субъекта направлено на него самого); напр.: *[Наташа] кинулась к крему и немедленно им намазалась* (Булгаков).

Варианты модели – с обобщенным каузатором; напр.: *Мать покрывалась, ее было не узнать*; или инкорпорированным каузатором; напр.: *Девушки в это время душились, красились, пудрились, румянились, инжуровались*.

4. Модификация модели – с редуцированным каузативным элементом, при отсутствии семы преднамеренности действия, оптативности; напр.: *Мальчик облился кефиром* (глаголы преимущественно СВ).

Варианты модели – с обобщенным или инкорпорированным каузатором 2-го ранга; напр.: *Я не сяду в кресло, я его запачкаю; Я иззеленила платье.*

5. Следующая ступень деривации предложения – **межмодельная деривация** - предложение с субъектом-стихийной силой (каузатором 1-го ранга), выраженным отвлеченными существительными, называющими субстанцию, способную к самостоятельному перемещению или конкретными неодушевленными существительными во мн. ч. (реже – в ед. ч.); напр.: *Вода закрыла рассаду; Тучи медленно закрывают солнце.* Маркеры субъектной позиции – «определенность», «множественность». Одновалентные локально направленные глаголы имеют только зависимый компонент в вин. пад., называющий место, относительно которого происходит действие-движение. Главный денотативный признак событийного глагола – «локально направленное движение, имеющее своим следствием полноту охвата объекта».

6. Внутримодельная деривация – «предложения с суженной перспективой»: с субъектом-предметом (псевдокаузатором); напр., *Занавес закрывает сцену.* Термин «суженная перспектива» (Чейф 1975) - о предложениях, которые намекают о других «участниках» и требуют более широкого описания события - принят в работах по морфосинтаксису: *Молоток разбил витрину, Рубильник выключил свет; Ключ не смог открыть дверь.*

Занавес – существительное предметной семантики, конкретное, неодушевленное, вследствие этого оно не может быть субъектом при каузативном **одновалентном** глаголе: занавес не может самостоятельно осуществлять это действие. Сочетание неодушевл. конкретного существительного с акциональным каузативным глаголом в акте предикации - исторически поздняя модель предложения в индоевропейских языках

7. Модели с субъектом, выраженным **предметным существительным**, также представляют собой **внутримодельную деривацию**. Существительное предметной семантики не может быть каузатором при глаголе действия-события; появление его в роли субъекта при акциональном каузативном глаголе сигнализирует о том, что глагол потерял значение акциональности и каузативности, стал глаголом-релятором (поздняя модель в истории развития индоевропейского предложения).

Здесь предикативная основа в целом представляет собой когнитивную метафору при обозначении локальных отношений, показывает трактовку говорящим-наблюдателем положения дел; напр.: *Брюки не закрывают каблук; Бугор закрывал деревню.*

8. **Межмодельная** деривация – с топикализацией объекта действия-движения: в позиции субъекта название места, относительно которого происходит движение. Однокоренные возвратные глаголы (и их аналоги без частицы *-ся*, типа *процветать чем-н.*), организуют предложения со значением «Непроизвольное изменение состояния субъекта, который является объектом (местом) воздействия стихийного каузатора». Каузатор 2-го ранга – словоформа в твор. пад.; напр.: *Угли медленно затягивались **пеплом**.*

Варианты модели – с обобщенным или инкорпорированным каузатором 2-го ранга; напр.: *Солдат зарос; Губы запеклись; Свечи оплывали в канделябрах (Булгаков); Лист запутинился (Л. Леонов); Велосипед ржавел; Хлеб начал плесневеть.*

9. Безличные предложения представляют собой **межмодельную деривацию** от двусоставных предложений (см. пункт 2).

Безличные предложения, организованные глаголами локально направленного действия, обозначают стихийное действие - движение субстанции, способной к самостоятельному перемещению, - каузатора 2-го ранга, выраженного словоформой в твор. пад.; напр.: *Берег начало закрывать **тенью** от тучи; Плащ Воланда вздуло*

над головами всей кавалькады, **этим плащом** начало закрывать вечеряющий небосвод (Булгаков). Частотны результативные конструкции; напр.: *Страшная процедура прополки... Всё оплело зеленью.*

В позиции субъекта одушевл. (в значении «тело», а не «личность») и неодушевл. конкретные существительные, означающие место локализуемой субстанции (средства воздействия).

Варианты модели – с обобщенным каузатором 2-го ранга; напр.: *...дорога, на счастье, еще просматривалась, ее заносило перед торосами, в основном же снег протаскивало мимо (В.Распутин)*

или инкорпорированным каузатором; напр.: *Дорогу заснежило.*

10. **Межмодельная** деривация – от исходной модели с одновалентным каузативом (пункт 5). Семантика модели: «Изменение состояния субъекта под действием стихийной силы (каузатора), способной к самостоятельному перемещению». Субъект выражен словоформой в винительном падеже. Каузатор – в именительном падеже (подлежащее).

Предложения обозначают сенсорно воспринимаемые (или наблюдаемые, оцениваемые со стороны) процессы. Стилистически нейтральный порядок слов - с препозицией субъекта состояния (названия места); напр.: *Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость* (Тургенев); *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки* (Булгаков); *Страну охватила стихия митингов; Ее лицо заливают краска стыда* (Е.Катасонова).

Стилистически маркированной является препозиция словоформы в именит. пад.; напр.: *Все та же непонятная тоска, что уже приходила на балконе, пронизала всё его [Пилата] существо* (Булгаков).

Все типы дериваций показывают только предложения, организованные глаголами с обобщенным значением, например, *закрывать, покрывать, заполнять, охватывать.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков 1875 – *Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений. Т. II. Ч. I. Сочинения филологические. М., 1875.

Апресян 1988 - *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. - М.: 1988. С. 7 – 44.

Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. - М., 1976.

Арутюнова 1988 - *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: 1988.

Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.

Барт 1989 - *Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: 1989. С. 384 – 391.

Бахтин 1990 - *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М., 1990.

Бахтин 1993 - *Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.)* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.

Бахтин 1996 - *Бахтин М.М.* Полн. собр. соч. Т. 6. - М., 1996. С. 303 - 323.

Бодуэн де Куртене 1963 – I – *Бодуэн де Куртене И.А.* О задачах языкознания // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему

- Галанина 2011 – *Галанина К.Э.* Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витгенштейна // Вопросы философии, 2011, № 7. С. 138-147.
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004.
- Кубрякова, Демьянков 2007 – *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.* О ментальных репрезентациях // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. С. 13-28.
- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. - М., 1976.
- Арутюнова 1988 - *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: 1988.
- Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Барт 1989 - *Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: 1989. С. 384 – 391.
- Бахтин 1990 - *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - М., 1990.
- Бахтин 1996 - *Бахтин М.М.* Полн. собр. соч. Т. 6. - М., 1996. С. 303 - 323.
- Бодуэн де Куртене 1963 – I – *Бодуэн де Куртене И.А.* О задачах языкознания // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I. - М., 1963. С. 203 – 220.
- Бодуэн де Куртене – 1963 - II – *Бодуэн де Куртене И.А.* К критике международных искусственных языков // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. II. - М., 1963.
- Бондарко 2008 - *Бондарко А.В.* Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. – СПб, 2008. С. 11-49.
- Бондарко 2012 - *Бондарко А.В.* Категоризация в системе грамматики. М., 2012.
- Виноградов 1978 - *Виноградов В.В.* Литературный язык // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. - М., 1978. С. 288-297.
- Волохина, Попова 1981 - *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Соотносительное слово в изъяснительных сложноподчиненных предложениях в аспекте вариантности и нормы // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 135-148.
- Волошинов 1993 - *Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.)* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. - М., 1993.
- Востоков 1859 – *Востоков А.Х.* Русская грамматика. М., 1859.
- Всеволодова 2009 - *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. - М., 2009, № 3.
- Гавранек 1967 - *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. - М., 1967.
- Гак 1988 - *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гаспаров 1996 - *Гаспаров Б.М.* Память. Образ. Лингвистика языкового существования. - М., 1996.
- Граудина 1980 – *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации языка. Грамматика и варианты. - М., 1980.
- Граудина, Ицкович, Катлинская – *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. - М., 2001. С. 3-16.
- Граудина, Шварцкопф 1991 – *Граудина Л.К., Шварцкопф Б.С.* Колебание нормы в современном литературном языке: реальность и прогнозы // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Часть I. - М., 1991.

Данеш 1988 – *Данеш Ф.* Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧСССР. - М., 1988.

Демьянков 2000 - *Демьянков В.З.* Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс. Речь. Речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. - М., 2000. С. 26 – 136.

Демьянков 2005 – *Демьянков В.З.* Когниция и понимание текста. - Вопросы когнитивной лингвистики. - М., Тамбов, 2005. № 3. С. 5 – 10.

Демьянков 2008 – *Демьянков В.З.* О стратегиях нормирования русского языка // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И.Ф. Протченко. - М., 2008. С. 50-61

Елизаренкова 1982 – *Елизаренкова Т.Я.* О факультативности и ее особенностях в древнеиндийском языке // Восточное языкознание: факультативность. - М., 1982.

Зализняк 1997 - *Зализняк А.А.* Словоформа. // Энциклопедия «Русский язык», М., 1997.

Истрина 1948 – *Истрина И.С.* Нормы русского литературного языка и культура речи. - М.; Л., 1948.

Ицкович 1982 – *Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. - М., 1982.

Кибрик 2008 - *Кибрик А.Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. - М., 2008, № 4. С. 51 – 77.

Караулов 1987 - *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. - М., 1987.

Карцевский 1965 – *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме языкового знака // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. - М., 1965. 3-е изд. Ч.2. С.85-93.

Катлинская 2001 – *Катлинская Л.П.* О тактических просчетах в языковой политике // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. - М., 2001. С. 195-203.

Кодухов 1975 - *Кодухов В.И.* Синтаксическая позиция и словоформа. // Русский язык. Сб. трудов. - М., 1975.

Костомаров 2011 – *Костомаров В.Г.* Норма языка и нормы в языке (опыт интерпретации) // Русский язык за рубежом, - М., 2011, № 4 (227). С. 55 - 59.

Кручинина 1968 - *Кручинина И.Н.* Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). АКД – М., 1968.

Кручинина 1998 – *Кручинина И.Н.* Из истории преподавания русского языка. - М., 1998.

Кубрякова 2000 – *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс. Речь. Речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. - М., 2000. С. 7 – 25.

Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. – М., 2004.

Кубрякова 2012 – *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М., «Знак». 2012. 203 с.

Культура парламентской речи. М., 1994.

Курилович 1962 - *Курилович Е.* Проблема классификации падежей // *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. - М., 1962. С. 175 – 203.

Лазуткина 1988 – *Лазуткина Е.М.* К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. - М., 1988. С. 109 – 111.

Лазуткина 1995 – *Лазуткина Е.М.* Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативный стереотип // Филологические науки. - М., 1995, № 5-6. 65 – 78.

Лазуткина 2012 - *Лазуткина Е.М.* Теоретические основы Словаря грамматической сочетаемости слов // *Лазуткина Е.М.* Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка. – М., 2012. С. 334-347.

Лакофф 1981 - *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X, 1981. С. 350 – 368.

Литературная норма и вариантность. – М., 1981.

Ломоносов 1755 // *Ломоносов М.В.* Наставление шестое. О сочинении частей слов // *Ломоносов М.В.* Российская грамматика. - М., 1755.

Ломтев 1960 - *Ломтев Т.П.* Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. - М., 1960. № 4. С. 15 – 28.

Мельников 1978 - *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. - М., 1978.

Мигунов 1986 - *Мигунов А.С.* Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. - М., 1986. № 7.

Никитина 1979 - *Никитина С.Е.* О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. - М., «

Ожегов 2001 - *Ожегов С.И.* Рассуждение о правильности языка (Черновые заметки) // Приложения. С.И. Ожегов: архивные материалы // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. - М., 2001. С. 431.

Ожегов 1962 – *Ожегов С.И.* О формах существования современного русского национального языка // *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

Павилёнис 1983 – *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Панов 1972 - *Панов М.В.* О литературном языке // Русский язык в национальной школе, 1972, № 1. С. 9-19.

Пешковский 2001 - *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М., 2001.

Попова 2009 – *Попова З.Д.* Синтаксическая система русского языка в свете синтаксических концептов. Воронеж, 2009.

Потебня 1958 - *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I-II, М., 1958.

Потебня 1977 - *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. - М., 1977.

Прибыткова 2011 – *Прибыткова Е.А.* Владимир Сергеевич Соловьев о нравственном призвании права // Вопросы философии. – М., 2011. № 8. С. 98 - 110.

Прияткина 1990 – *Прияткина А. Ф.* Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.

Русская грамматика. М., Т. I. 1980.

Скворцов 1980 - *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. - М., 1980.

Солнцев 1971 – *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

Солнцев 1964 – *Солнцев В.М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания – М., 1984, №2.

Степанов 1981 - *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложение - М., 1981.

Степанов - *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. - М., 1989.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб, 1992.

- Филлмор 1983 – *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 74-122.
- Холквист 2002 - *Холквист М.* Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra. Антология. Том II. Санкт-Петербург. 2002. С. 229 – 276.
- Чейф 2008 - *Чейф У.* Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. - М., 2008., № 4. С. 78-88.
- Шварцкопф 1977 – *Шварцкопф Б.С.* Типы соотношения вариантов и статистические исследования нормы // Языковая норма и статистика. М., 1977.
- Шварцкопф 2001- *Шварцкопф Б.С.* Колебание нормы: его сущность и статус в культурно-речевом и теоретическом плане // Словарь и культура русской речи // М., 2001. С. 364-381.
- Шведова 2005 - *Шведова Н.Ю.* Объектная форма в субъектной позиции // *Шведова Н.Ю.* Русский язык. Избранные работы. М., 2005. С. 264 – 270.
- Ширяев 1996 - *Ширяев Е.Н.* Предисловие: цели и задачи монографии // Культура русской речи и эффективность общения. - М., 1996. С. 3 - 6.
- Ширяев 2003 – *Ширяев Е.Н.* Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи. Учебник для вузов. - М., 2003. С. 12-25.
- Шмелев 1977 – *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). - М., 1977.
- Шмелев 2002 - *Шмелев Д.Н.* Литературный язык и язык художественной литературы // Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. - М., 2002. С. 653-672.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. С. 24-39.
- Щерба 1984 - *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Основы культуры речи. Хрестоматия. Сост. - Л.И. Скворцов. – М., 1984. С. 191-203.
- Якобсон 1985 – *Якобсон Р.О.* Избранные работы. - М., 1985.
- Якобсон 1972 - *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя – М., 1972. С. 95 – 113.
- Ярцева 1983 – *Ярцева В.Н.* Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. - М., 1983. № 5. С. 17-24.
- Chafe 1994 - *Chafe W.* Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago. 1994.
- Chloupek 1986 - *Chloupek J.* Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. Univer. J.E. Purkině v Brně. 1986.
- Givon 1979 – *Givon T.* From discourse to syntax: grammar as a processing strategy - Syntax and semantics. N.Y. 1979.
- Givon 1995 - *Givon T.* Functionalism and Grammar. Amsterdam. 1995.
- Havraněk 1963 - *Havraněk B.* Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963.
- Havranek 1964 - *Havranek B.* Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // A Prague school in linguistics. – Bloomington, 1964.
- Hlavsová 1988 - *Hlavsová J.* O protikladu spisovnosti a nespisovnosti v češtině // Slovo a slovesnost. Ročník XLIX. 1988, číslo 3. S. 220-226.
- Jedlička 1986 - *Jedlička A.* Basic Types of Norm in Language Communication // Reader in czech sociolinguistics. Praha, 1986. P. 57-82.
- Kristeva 1980 - *Kristeva J.* Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art. New York. 1980.

Talmy 1983 – *Talmy L.* How language structures space // Spatial orientation. Theory, research and application. New York, 1983.

Tomlin 1994 - *Tomlin R.* Focal attention, voice, and word order: An experimental cross-linguistic study. - Word order in discourse. Amsterdam. 1994.

Wierzbicka 1969 - *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1969.